

Арто

ПААА

Тысяча
Чертей
пастора

СИ

Хуусконена

ЛИ

ННАА

INSPIRIA

Москва
2021

УДК 821.511.111-31
ББК 84(4Фин)-44
П12

Arto Paasilinna

ROVASTI HUUSKOSEN PETOMAINEN MIESPALVELIJA

Copyright © Arto Paasilinna, 1995

Copyright © The Estate of Arto Paasilinna

First published in Finnish with the original title *Rovasti Huuskosen petomainen miespalvelija* in 1995 by WSOY, Finland

Published in the Russian language by arrangement with Bonnier Rights, Helsinki, Finland and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden.

Перевод с финского *Вероники Силивановой*

Художественное оформление *Владислава Воронина*

Паасилинна, Арто.

П12 Тысяча Чертей пастора Хуусконена / Арто Паасилинна ; [перевод с финского В. Силивановой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 288 с.

ISBN 978-5-04-112710-7

«Тысяча Чертей пастора Хуусконена» — это рассказанный в реалиях конца XX века роман-пикареска: увлекательное путешествие, иногда абсурдный, на грани фантастического, юмор и поиск ответов на главные вопросы. Финский писатель Арто Паасилинна считается настоящим юмористическим философом.

Пастору Хуусконену исполнилось пятьдесят. Его брак трещит по швам, научные публикации вызывают осуждение начальства, религия больше не находит отклика в сердце. Прихватив с собой дрессированного медведя Черта, Хуусконен покидает родной город. Много перипетий ждет их в дороге — путь пролегает от Белого до Черного моря, через холодную Россию и жаркие тропические острова. Где отыщут они дом и сможет ли пастор наконец понять, в чем заключается смысл жизни?

УДК 821.511.111-31
ББК 84(4Фин)-44

ISBN 978-5-04-112710-7

© Силиванова В., перевод на русский язык, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Первая часть

Медвежонок-сирота

Медвежья участь

— Дьявол ходит среди нас, как рыкающий лев!

Пастор Оскари Хуусконен обхватил руками края кафедры и опустил от напряжения взгляд. Под тяжестью своих грехов прихожане Нумменпяя вжались в церковные скамейки. Церковь была срублена из смолистых бревен и выкрашена снаружи в охристо-красный цвет, а изнутри — в серо-голубой, цвет неба. Алтарь и кафедра сверкали обшивкой из красной сосны. На передних рядах восседали самые важные лица прихода: советник по сельскому хозяйству Лаури Кааккури, владелец бетонного завода Онни Хаапала, генерал-майор Ханнес Ройконен, доктор Сеппо Сорьонен, аптекарь, учителя, инспектор строительных работ, начальник пожарной команды и... пасторша Саара Хуусконен — красивая и властная женщина, всегда относившаяся к необходимости слушать проповеди мужа со смущением.

— Но как только бич Божий полоснет дьявола по заднице, дьявол выпучит глаза и наложит в штаны!

Оратором пастор Хуусконен был пылким и, не в пример прочим нынешним священникам, свою

паству не баловал. В трудные времена священник ей требовался жесткий — именно такой, как пастор Хуусконен.

Тем же утром в том же приходе медведица учила своих детенышей разным лесным премудростям. Жизнь вынуждала добывать пропитание ночью, когда жители этой варварской страны спали, а днем медведи могли дремать в темном ельнике. Зимовали они в берлоге, а летом бродили где вздумается, как любые другие свободные хищники.

Наступало лето. Бурая медведица пробудилась от зимней спячки на полтора месяца раньше. У нее было два медвежонка, самец и самка, мальчик и девочка; трогательные и милые, точно плюшевые игрушки, малыши родились прошлой зимой в укрытой снегом берлоге. Роды прошли совершенно гладко, без трудностей и осложнений. Акушерки медведицам не нужны, папы-медведи в родах не участвуют. Действо происходит в непроглядной темноте берлоги, и в то время как медвежата, эти крошечные клубочки, появляются на свет, мама даже не просыпается. Поначалу с малышами совсем несложно: им достаточно лишь присосаться к молоку.

Стояла светлая майская ночь. Три медведя шли вдоль пересекавшей приход Нумменпяя линии электропередачи: здесь густо росли береза, рябина и островками, в местах посуше, можжевельник с молодой елью. Нумменпяя соседствовал с приходами Самматти и Сомеро на северо-западе области Уусимаа, и линия электропередачи пересекала его по направлению от электростанции на севере к столице,

поглощавшей больше всего электричества. В десяти километрах от села в густой и холмистой еловой чаще находилась берлога, и каждое лето медведица охотилась в этих землях, в том числе в окрестностях села, заваливая время от времени лося или оленя. Теперь же она учила медвежат добывать личинки муравьев. Добравшись до муравейника у линии электропередачи, она разворошила самый верх и показала, как надо осторожно копать, чтобы достигнуть слоя кишашщих белых личинок. Оттуда лапа быстро отправляла лакомство в рот — надо было только следить, чтобы заодно туда не попало слишком много иголок и прочего мусора. Муравейники полагалось разорять рано на рассвете, когда муравьи-рабочие спали, а аккуратно уложенные личинки находились на глубине. Медвежата с увлечением ворочали землю и пробовали вкусы, которые им отрыла мама. Лучшие муравьи напоминали по вкусу лягушек и были не такими кислыми, как прошлогодняя клюква.

Когда трапеза подошла к концу, медведица сгребла землю обратно; она собиралась показать, что пришла не разрушить муравейник, а только добыть личинки, которые принадлежат медведям.

На вырубке медведица отодрала с пня кору и нашла мясистых белых червей, показавшихся медвежатам не менее вкусными, чем муравьиные личинки. Как-никак медведи с детства лакомки.

Утром они добрались до окрестностей деревни, где медведица привычным способом опустошила два пчелиных домика: она проделала в сетке достаточно большую дыру, пролезла с медвежатами в сад,

повалила на землю пасечный улей и искусно вытащила соты, которые, несмотря на отпор пчел, вылила дочиста. Пустые рамы, не ломая их, медведица откладывала подальше в сторону. Характер у нее не был ни злой, ни вспылчивый.

Полакомившись медом, медведи продолжали идти вдоль линии электропередачи и дошли до самого села. Сразу залаяла сторожевая собака. Мама повелела медвежатам укрыться в корнях дерева и легла на землю сама, но, поскольку собака не унималась, медведица издала тихое предостерегающее рычание. Шерсть у дворняги встала дыбом, поджав хвост, та шмыгнула в будку, откуда высовывала только трусливый и влажный нос.

Мгновение — и медведица поднялась во весь рост, вытянула нос и принялась. Все действительно утихло. Она продолжила вместе с медвежатами путь. Возле трансформаторной будки стояло несколько домов, а у самого леса — хозяйственные постройки, которые составляли находившуюся в собственности командитного товарищества пивоварню Нумменпяя. В утреннем воздухе стоял будоражащий пивной смрад, устоять перед которым медведица не смогла. Она кружила вокруг сарая, пытаясь найти вход, но все двери были на замке, и ей не оставалось ничего другого, кроме как вломиться внутрь: она навалилась всем своим весом на жестяную дверь, и та, потихоньку прогнувшись, поддалась. Обошлось почти без шума. Снова на мгновение медведица прислушалась, а потом шагнула вперед; медвежата скользнули следом.

В сарае царила темнота, но медведица на то и была лесным зверем, чтобы инстинкт быстро привел ее к контейнеру, где булькала пара сотен литров густого сусла. А пить уже хотелось! Бурлящее сусло медведица стала жадно лакать, а за мамой и медвежата, поднявшись на задние лапы, принялись тыкаться в него мордочками. Отфыркиваясь, они быстро вошли во вкус. Медведица напилась до отвала. Вот так находка! Между тем после внимательного осмотра кладовой обнаружили глубокие закрома с ячменным солодом, который медведи, загребая большими пригоршнями, с удовольствием поели. Наконец хмель взял свое. Вдруг стало очень весело: выпитое пиво ударило в голову, природная осторожность внезапно пропала, медвежата зашалили. Медведица, будучи старше и благоразумнее, воздержалась от буйства.

У медвежат начался понос, но на свете, конечно, достаточно места и для медвежьего дерьма. У мишек не было штанов, которые можно было бы испачкать, если события примут бурный оборот.

Нализавшись вволю, медведица шугнула медвежат и поманила за собой из пивоварни. Семейство вернулось к линии электропередачи немного передохнуть. Медведица была крупной и весила почти 150 килограммов, ее рост в холке составлял 80 сантиметров, мех отличался густотой, а скулы — пушистостью. Смотрелась она удивительной красавицей и у местных медведей пользовалась популярностью: в брачный сезон ей не приходилось прибегать ко всяким женским штучкам, чтобы привлекать вни-

мание самцов, — их за ней и так волочилося достаточно.

Изрядно подвыпившему семейству вместо возвращения в родную чашу захотелось продолжить дерзкое шествие до трансформаторной будки. Там они наткнулись на дом Астрид Сахари, на заказ готовившей еду к торжествам. И снова до медведей донесся манящий аромат из амбара, где хранились готовые блюда; этот запах так и тянул к себе, и, несмотря на позднее время, медведица решила ворваться внутрь. Она привычно расшатала петли. Сладко потягивая носами воздух, медведи забрались в амбар, куда накануне вечером внесли десятки самых разных праздничных блюд: здесь был кисель, эскалопы, разнообразные соусы, жаркое по-карельски, картошка с маринованной селедкой, батоны, слоеные торты, салаты и брюква; так что голова у лесных гостей закружилась еще больше. Шерстяные носы окунулись в превосходный кисель, языки радостно лакали мясной соус и дрожащее желе, копченая баранья нога без долгих раздумий тоже была поглощена. Грандиозный многонедельный труд поварихи Астрид Сахари пошел насмарку. Все эти яства она приготовила к свадьбе: нынче должно было состояться венчание главного негодяя прихода, экскаваторщика Ханнеса Лоймукиви, и единственной дочери владельца бетонного завода Маркетты Хаапала — простоватой, но приятной и любящей женщины. Оба были членами прихода, обоим было за сорок. Он-ни Хаапала, отец невесты, обещал устроить пыш-

ную свадьбу, в приготовлениях к которой участвовала и Астрид Сахари. И вот — приготовленные ею блюда испортили, не моргнув глазом, захмелевшие медведи.

С церковной колокольни прихода Нумменпя раздался звон, но медведей он не насторожил. Колокольный звон был им привычен: иногда зимой при крепком морозе его металлический звук приглушенно доносился и до берлоги. Медвежий опыт подсказывал, что гул божьих колоколов не сулит неприятностей.

Но развеселившиеся после первой в жизни попойки медвежата не удержались от шалостей и рычания: они сбросили на пол тарелки, и многие разлетелись вдребезги, а кастрюли из-под соусов закатили в углы. Повариха Астрид Сахари проснулась, накинула утренний халат и побежала проверить, что за шум доносится из амбара.

Святые Небеса! Амбар кишел медведями, и нос каждого был вымазан в киселе и сливках!

Повариха Астрид Сахари толкнула дверь метлой и принялась выгонять взломщиков. Здесь следует подчеркнуть, что Астрид была не робкого десятка: за свои пятьдесят лет она чего только не повидала, дважды побывала замужем, причем оба ее мужа были экскаваторщиками, обжорами и горькими пьяницами.

Астрид Сахари злорадно зарядила медведице по носу. Медвежата заскулили от страха, когда увидели, что на крыльце стоит повариха, разъяренно размахивая метлой, и спрятались за маму.

Медведица тоже разъярилась и поднялась на защиту медвежат. Она дернула прядь завитых волос Астрид с такой злостью, что метла выпала у старухи из рук, а сама она покатила по ступенькам во двор. Затем медведица подтолкнула медвежат к растущему во дворе дереву. Воюющие малыши проворно вскарабкались на пушистую елку. Повариха тоже воспользовалась ситуацией и с истошным воплем помчалась прочь. Она ринулась к забору трансформаторной будки, молясь, чтобы ворота были не заперты. Заперты они не были — спасибо детям. Маневр, однако, не позволил выиграть достаточно времени, потому что медведица погналась вслед за обидчицей. В этой трудной ситуации Астрид оставалось только забраться на двадцатиметровый железный высоковольтный столб.

Старуха наверх — и медведица наверх.

Вдруг церковные колокола издали похоронный гул. Некий дробильщик щебня Аарно Малинен умер полторы недели назад, и пастор Оскари Хуусконен произносил у его гроба такие слова:

— И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратился к Богу, который дал его.

Хуусконен подумал, что, возможно, именно в этом случае стоило бы сказать, что Малинен обратится не в прах, а в щебень, но формат литургии не допускал подобных вольностей.

Пускай Малинен и умер, однако на своем пути в преисподнюю он оказался не один. Спасаясь от медвежьей пасти, повариха Астрид Сахари в утреннем халате ловко забиралась на столб все

выше и выше. Которое из двух зол меньшее — схватиться за высоковольтный провод или позволить кровожадному чудовищу выбить из нее дух здесь, между небом и землей? Она приняла решение. Следуя сугубо женской логике, Астрид Сахари схватилась обеими руками за провод. Тут же последовала мощная вспышка света: несчастная сначала прожарилась, словно ростбиф, снаружи, затем, как баранье жаркое, пропеклась изнутри, в конце концов, она застыла и ссохлась подобно рыбе на углях.

Защищавшую детенышей мать постигла не лучшая участь. Вонзив зубы в обугленную ногу поварихи, медведица получила, возможно, еще более страшный удар током: она почти мгновенно превратилась в жареное мясо — пушистая шерсть вспыхнула точно факел. Обугленная медвежья туша осталась болтаться в воздухе у высоковольтного столба, словно привязанная к труп поварихи.

Из-за ужасного происшествия во всем приходе отключилось электричество, погас свет, и бывший искусственный осеменитель Юрьяна Тисури, находившийся в стационаре с подключенным аппаратом искусственной вентиляции легких, попал в весьма затруднительное положение. Больничный специалист не сумел запустить дизельный генератор для автономной выработки электричества, так что дыхание искусственного осеменителя Тисури пришлось поддерживать по старинке: изо рта в рот. Приятного в этом для медсестры было мало, если учесть, что Тисури всю жизнь жевал вонючий табак, а чистки

зубов, особенно достигнув почтенного возраста, старательно избегал.

На елке неподалеку от трансформаторной будки два маленьких медвежонка скулили от страха. Бедняжки еще в полной мере не осознали, что остались сиротами.

Пастор Хуусконен венчает насильно

Церковь Нумменпяя срубили в XVII веке. Раньше, гласила молва, на ее месте стояла деревянная часовня, где летом и зимой во время больших праздников проводились службы силами священников прихода Сомеро. Но теперь приход Нумменпяя обрел самостоятельность и настоятеля в лице пастора Оскари Хуусконена. Пастор был женат, у них с женой рано родились двое детей, обе девочки, которые уже давным-давно покинули отчий дом и вышли замуж. Жизнь в этом отдаленном, посреди глухого леса, приходе медом не казалась — одиночество и уныние нередко одолевали пастора Хуусконена. Священником он был пламенным, ему бы глаголить слово Господне в приходе побольше и поважнее или, того лучше, в высшей должности иерархии диоцеза. И все же, несмотря на неоднократные попытки, выбраться из Нумменпяя Хуусконену не удавалось. Может, причиной тому были вольные толкования Библии, проповеди, в которых он порой радикально отклонялся от Священного Писания, или изложе-

ние его взглядов в христианской прессе? Оскари Хуусконен получил звание доктора теологии, написал диссертацию об апологии — защите христианской истины. К исследовательской работе он приступил, будучи сторонником этой истины. С тех пор, однако, утекло немало воды, и Хуусконен был уже не так уверен в истинности как своей диссертации, так и христианского учения в целом.

Пасторша Саара Хуусконен, в девичестве Линдквист, преподавательница шведского языка в средней школе Нумменпяя, тоже хотела бы перебраться в более преуспевающие и оживленные края, но в эту тяжелую пору безработицы вакансий не открывалось, и 49-летнюю преподавательницу шведского, в сущности, нигде не ждали. Ничего удивительного здесь не было, равно как и вины Оскари Хуусконена, но пасторша все равно попрекала мужа за то, что им до скончания времен придется оставаться в убогом Нумменпяя, где зимой темно и безрадостно, а летом потно и полно навозных мух, откормленных жидкими деревенскими удобрениями. Будь Оскари по натуре хоть немного более пронырливым, то есть в хорошем смысле более сговорчивым и способным к руководящей работе, перед ним наверняка открылись бы самые разные должности в церковных кругах. В конце концов, первостепенная задача священников — проповедовать милосердие и скромность. Какой тогда черт обуял Оскари, что в своей жизни он часто претендовал на роль высшего критика и желал спорить о пустых богословских вопросах? Рассудительный священник держал бы рот на